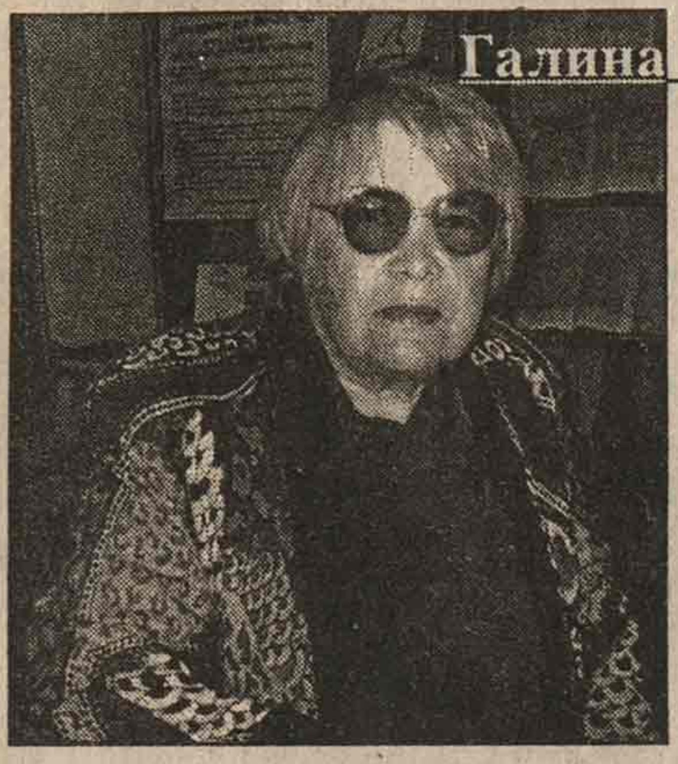
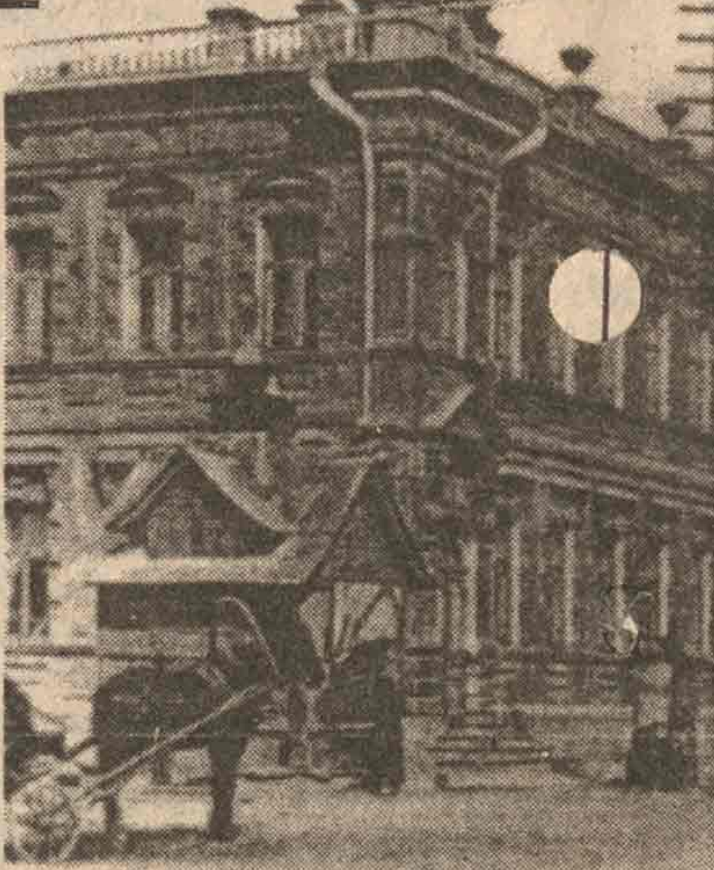
Галина БЕЛЯНИЧЕВА,
г. Благовещенск

Три б…

Расс…





БАЛ ПЕРВЫЙ

В десятых числах июня 1912 года Благовещенская женская гимназия для покидающих ее стены питомиц и приглашенной публики давала выпускной бал. Лучший полковой оркестр города держал праздник на высокой волне. Из приоткрытых окон залы на улицу и во двор лились мелодии задумчивых вальсов, ветреных полек, стремительных мазурок, огнеметных чардашей, медлительных па-де-катров, приводя в трепетное волнение не только сердца выпускниц, но и молодую листву наблюдавших за торжеством деревьев.

В глубине опустевшей передней, за тяжелыми, гранеными колоннами, подпиравшими узорные плетения каменного потолка, две выпускающиеся гимназистки в бальных нарядах рассматривали себя в зеркало. Обе делали вид, что изучают только свое отражение, и тайком косили ревнивым взглядом на отражение подруги.

Та и другая барышни были чудо как хороши. Одна с черною, словно жемчужина, головкой, небольшого роста, узкими, покатыми плечиками, высокой грудью и тонкой талией напоминала собой драгоценную раковину бело-розового перламутра. Другая, стройная, как стебелек, с белокурыми, в кольца и локоны уложенными волосами, была сравнима с только что распустившейся лилией.

Титул первых красавиц не только класса, но и в целом гимназии обязывал девушек держаться вместе, показывая себя, если не близкими подругами, то хотя бы добрыми приятельницами - чего на самом деле не было. Вне гимназии их жизни вращались по разным орбитам и ни одной точкой не соприкасались. Черная Жемчужина была дочерью банкира, Белая Лилия - дочерью горного инженера.

- Госпожа Борен, Аделина Вильевна! Госпожа Красавина, Полина Сергеевна! - настиг спрятавшихся гимназисток колокольный, отчетливого звучания голос появившейся из-за колонны классной наставницы Августы Львовны Козецкой. - Вам надоело украшать своим присутствием праздник, вы уединились и любуетесь собой в одиночестве? Невежливо прятаться от гостей. Они приглашены сюда ради вас.

Важная и величавая классная дама пыжилась перед выпускницами, почти что вольными пташками, как перед младшими ученицами, застигнутыми ею за беспечным прогуливанием урока. Уязвленная Адель тот час же напомнила важничающей гордячке о наступившем сближении позиций.

- Августа Львовна, - с лукаво-послушною миною обратилась она, - признайтесь, кто из нас двоих на ваш взгляд привлекательней?

Обескураженная бесцеремонностью подруги и выходом наружу тайны их соперничества, Полина, тем не менее, смотрела на воспитательницу с вопросительным ожиданием.

Козецкая не смутилась пассажем сумасбродной банкирской дочки. Ей было знакомо нетерпение гимназисток уже на выпуске ставить себя на одну доску с преподавателями. Этого по отношению к себе Августа Львовна ни в коем случае не допускала. Даже на прошлых выпускниц, ставших теперь важными дамами, продолжала смотреть оком наставницы и при возможности не преминула бы сделать внушение, если б они того заслужили. А уж бестактность выпускающихся гимназисток она ни в коем случае без ответа не оставит. «Вы хотите равенства со мною, но получите от меня все то же надоевшее вам равенство между вами», - сказали ее глаза, а губы произнесли:

- Это вопрос не ко мне, милые мои девочки. Для меня вы одинаково привлекательны, потому что свежи и молоды, и одинаково дороги, потому что мои ученицы. А то, что вас интересует, вам дадут понять своим ухаживанием кавалеры. Но, должна вас предупредить, количество поклонников еще не все решает. Мнение одного может затмить и обесценить мнения многих.

В это мгновенье сторож впустил в переднюю двух запоздавших гостей. Августа Львовна, в чью обязанность входило встречать приглашенную публику, торопливо бросила выпускницам: «Ступайте наверх, девочки!» - и, шурша шелковой юбкой, отплыла к новоприбывшим. При этом рука ее нервно теребила висевшие на груди золотые часики. Оглянувшись на вход и увидев у дверей военных в парадных мундирах, гимназистки поняли причину внезапного волнения наставницы. В каждый выпускной бал Августа Львовна вновь перечувствовала свои далеко улетевшие семнадцать лет и оставшиеся с нею ожидания. Девушки переглянулись в готовности взорваться озорным, беспечальным смехом, но вдруг с ясностью осознали, что это их семнадцать лет кружатся на сегодняшнем бале, что это их переполняют радостные ожидания и что минуты, кажущиеся сейчас бесконечно щедрыми, никогда больше не повторятся, сколько за ними не бегай. Выпускницы посерьезнели, на их лица набежала тень глубоко заглянувшей мысли. Совсем по-иному посмотрели они на военных, и их сердца, вздрогнув, забились чаще.

- Это полковник Латышев и поручик Молодцов, - узнала офицеров Адель. - Их полк недавно переведен в Благовещенск. Они уже были с визитом у моего отца, и папа меня им представил. Полковник - бравый командир и светский лев, а поручик просто картинка.

Полагая, что издали, да еще за колоннами, их не видно, девушки тянули шеи в стремлении лучше рассмотреть офицеров. Но остроглазый поручик заметил подглядывающих за ними барышень, узнал в одной из них представленную ему на днях банкирскую дочку и, пока денщик стягивал плащ с могучих плеч командира, подкатил по каменным плитам вестибюля к прячущимся девицам.

- Мадемуазель Аделина, честь имею поздравить вас с выпуском, - щелкнул он каблуками перед Черной Жемчужиной. Аделина церемонно присела. Поручик перевел взгляд на вторую девушку и перед ней щелкнул каблуками: - Вас тоже, сударыня.

- Полина Красавина, моя соученица, - представила Белую Лилию банкирская дочка, а подруге указала на офицера: - Поручик Молодцов...

- Сергей Константинович, - дополнил он.

Польщенные вниманием красавца военного, девушки радостно защебетали:

- Как чудесно видеть вас на нашем бале! - стреляла черными глазками Адель.

- Вы будете танцевать? - практично интересовалась Полина.

- Непременно, - заверил поручик.

- А полковник? - любопытствовала Адель

- И он тоже.

- О, какие будут у нас кавалеры! - восхитилась Черная Жемчужина и беспокойно спросила: - Надеюсь, меня и подругу вы не обойдете вниманием?

- Ни в коем случае, барышни. А вы не ответите нам отказом?

- О, нет! О, нет! О, нет! - пропела Аделина и погрозила офицеру пальчиком. - Но вы торопитесь, есть другие уже приглашения.

- Прошу прощения, сударыни, - щелкнул каблуками поручик, увидав, что полковник собирается идти наверх. - Встретимся в зале, - пообещал он и бросился догонять командира.

- С кем это вы любезничали, поручик? - спросил, поднимаясь по металлическим ступеням, полковник.

- Там была Аделина, банкирская дочка, и с нею милая девушка, - живо отозвался Молодцов, придерживая шаг возле командира, чтобы ненароком не оторваться и не полететь наверх одному.

- Банкирская дочка тоже милая девушка, - благоразумно поправил Латышев.

- Да, обе они хорошенькие, - с готовностью согласился Молодцов.

В передней Аделина, топыря на подругу черные блестящие глаза, возбужденно спросила:

- Правда, поручик - картинка?

- Красавец! - подтвердила сдержанная Полина.

- Прелесть, должно быть, с ним танцевать! Ты не находишь? - не могла успокоиться Аделина. - Хочешь, заключим на него пари? - предложила она, с нажимом глядя в голубые глаза соперницы.

- А как? - не поняла Полина.

- Кто из нас двоих с ним протанцует прощальный вальс, к тому перейдет титул первой красавицы бала и выпуска. Согласна на это?

- Да, - сказала Полина, думая, что пора, наконец, разрешить их затянувшееся соперничество.

Девушки протянули друг другу затянутые в перчатки руки.

- Разбить некому, - посетовала Полина.

- И не надо. Пари останется нашей тайной. Мы про себя будем знать, кто из нас первая, - предупредила Аделина.

Скрепив пари, выпускницы рассмеялись и, не разнимая рук, побежали к лестнице. Если б не музыка и людской гул, катившиеся навстречу, можно было бы услышать, какую звонкую и веселую дробь выбивают по металлическим ступенькам их бальные туфельки.

Наверху Аделину обступили заждавшиеся ее поклонники, увлекли в зал, и вот уже она неслась в танце с одним из них. Войдя в зал одна, Полина почувствовала себя потерявшейся в пестром, шумном, волнующемся половодье хорошеньких девушек, озабоченных кавалеров, солидных и важных гостей. Неужели никто в толпе не найдет и не выделит ее золотистых локонов, ее белого платья с букетом на лифе, ее недурного личика? Оркестр на сцене играл быструю полечку. Ноги просились скакать, кружить, легко скользить по паркету. Где ее поклонники и кавалеры, которых не так много, как у Адели, но которые с явным желанием расписались в начале бала на ее веере? Они не видят ее или танцуют с другими безумно соблазнительную польку?

И вдруг чудо! Словно угадав ее желание, перед Полиною возник красавец-поручик, щелкнул каблуками, взял ее руку и ввел девушку в круг.

Аделина зацепила взглядом вступившую в танец новую пару, и соперничество в ней вспыхнуло с пожарной силой. Она чуть не выкрутила драгоценную свою головку и чуть не вывернула проворные глазки в старании не терять из виду злополучный дуэт. По коротким репликам, которыми изредка обменивались поручик с Полиною, Адель догадывалась, что ее уже опередили, причем с такой легкостью, которую она сама по оплошности допустила, будучи уверенной, что поручик непременно ее кавалер.

Ни о чем не подозревавший Молодцов, впечатленный нежным очарованием партнерши, поинтересовался: есть ли у нее незанятые еще танцы.

- Да, - отвечала Полина, - прощальный вальс.

- Вы согласны оставить его за мной?

- Пожалуй, - скромно уступила Полина.

На самом деле она была обескуражена без усилий одержанной над Аделью победой. От чрезмерного раздумья Белая Лилия сбилась с шага, застыдилась своей ошибки и покраснела. Партнер сильными руками поддержал ее, помогая встроиться в ритм. Из наблюдающей публики никто ничего не заметил, зато между парочкой возникла дружеская доверительность. После танца, уже не стесняясь, Полина попросила офицера расписаться золотистым грифелем на ее веере.

Увидев, что поручик вписывает себя в число поклонников Полины, Адель покинула своих кавалеров и, забыв о приличиях, ринулась через опустевшую середину зала за уплывающей от нее победой.

Полина заметила летящую к ним на всех парусах Аделину, взволнованно шепнула поручику:

- Не предавайте меня, - и тихонечко отступила, оставляя поле боя сопернице.

Молодцов обернулся. Перед ним стояла банкирская дочка с такой решительностью на лице, словно изготовилась остановить на скаку коня.

- Господин поручик, моя карточка почти заполнена, а вашего имени в ней нет. Вы отказываете мне во внимании?

- Ну, что вы, мадемуазель Аделина! У вас такое плотное окружение, я не сумел сквозь него пробиться, - почувствовал свою вину Молодцов.

- Это вы не сумели? Ну, так я сама к вам пришла! - жестко сыпала Аделина.

- Простите, мадемуазель. Счастлив буду танцевать с вами все не расписанные у вас танцы.

- У меня пока свободен прощальный вальс.

- К сожалению, я его уже обещал.

- Обещали, не подумавши обо мне? Перемените свое обязательство, а я переменю свои - и мы будем танцевать с вами весь оставшийся вечер.

- Не могу, Аделина. Я связан словом офицера.

- Хотите, я вас от него освобожу? Скажу ей, что вы пригласили меня.

- Нет, Аделина. Вопросы чести для меня святы. И, кроме того, я не имею привычки прятаться за другими, тем более за хорошенькими барышнями.

- Жаль, господин поручик, что я вам не интересна. Я воображала себе совершенно противоположное.

- Я тоже не предполагал, что между нами возникнет размолвка. Я шел сюда ради удовольствия видеть вас и танцевать с вами. Дайте мне танец, или для нас с вами я закажу специальный.

К ним протолкался обеспокоенный Латышев.

- В чем провинился мой офицер? Я берусь исправить его ошибку, - вмешался он в разговор двух молодых людей.

- В таком случае прикажите своему офицеру выбрать меня на прощальный вальс, - воспользовалась его помощью Аделина.

- Я уже обещал его другой, - отозвался на грозный взгляд командира поручик.

- Прощальный вальс я беру на себя и все танцы, какие вы пожелаете, тоже, - нашел выход из положения полковник.

- Не возражаю, - скрыла за кокетливой улыбкой свое неудовольствие Аделина, а Молодцову небрежно бросила: - Вы, поручик, как обещали, закажите для нас с вами чардаш.

- Так точно, - щелкнул каблуками поручик.

Полковник мигнул капельмейстеру, чтобы он начинал музыку, и тот немедленно подчинился, поскольку оркестр относился к полку Латышева. Полковник галантно ввел Аделину в круг, и они первою парой повели танец.

В течение всего вечера Аделину не покидало нервное возбуждение. Она была оживлена, окружена кавалерами, неизменно на виду, неизменно во внимании у публики, словно задалась целью затмить всех. И в этом намерении преуспела. Она танцевала то с полковником, то с поклонниками, с поручиком они пронеслись в чардаше с таким жаром, что вызвали аплодисменты публики, потребовавшей от них танца «на бис», и оркестр играл им двоим.

Полина тоже не была без кавалеров. Она танцевала с поручиком, своими поклонниками, раз ее удостоил чести полковник. Но успех ее оставался в тени Аделининой славы, переключившей на себя все внимание зала.

Прощальный вальс Полина танцевала с поручиком, Аделина - с полковником.

После бала Аделина, зло топыря глаза и с холодной вежливостью обращаясь к подруге, как к малознакомой, на «вы», в безоговорочной форме заявила:

- Не обольщайтесь, что титул перейдет к вам. На самом деле первенствовала на бале я. Это все подтвердят. Вы нечестно выиграли пари, и я не признаю вашей победы.

Аделина была настолько сердита, что забыла о своем обещании отвезти Полину домой. Полину захватили с собой родители другой одноклассницы.

В коляске, увозившей офицеров, полковник, расслабившись на мягком сидении, наставительно выговорил молодому другу и подчиненному:

- Не политический вы человек, поручик. Ну, что вам стоило оказат[illegible] любезность банкирской дочке. Од[illegible] балом мы могли б немало для пол[illegible] сделать. Я, как ни пытался исправить положение, по-моему, не преуспел - она целила в вас. Неужели блонди[illegible]ка больше вам приглянулась?

- Она тоже как-то странно со мною держалась, будто я интересен ей не сам по себе, а по отношению к чему-то иному, - признался поручик.

- Эти взрослеющие девицы - чертовские бестии. Как бы они на вас не поспорили, - предположил полковник.

- Вполне возможно, - сухо обронил Молодцов.

- Коли так, то я, поручик, был на балу в гораздо лучшем, чем вы, положении, - заметил полковник, взбодряя раскатистым смехом сонный бег лошадей.

БАЛ ВТОРОЙ

В июле 1916 года, после излечения от ранения, капитан Молодцов был командирован в дальневосточный Благовещенск за пополнением для фронта. Прибывши в город, где перед в[illegible]йной он недолго стоял с полком, Молодцов по примеру бывшего своего командира, полковника Латышева, убитого год назад разрывом снаряда, нанес несколько визитов к людям, с которыми был прежде знаком, благодаря общительности все того же Латышева. В том числе капитан побывал у банкира Борена и встретил там Аделину, из Владивостока приехавшую в гости к отцу вместе с мужем, крупным восточным промышленником Германом Мильхом.

Аделина узнала Молодцова, обрадовалась ему, глаза ее весело прыгали.

- Вы еще танцуете, капитан? - тараторила она.

- Только в окопах, под пулями, - отвечал он.

- О, это ужасные пляски. А по-[illegible]стоящему, на балу вам хотелось бы танцевать?

Современная ПРОЗА

- Боюсь, что от долгой отвычки я буду смотреться медведем.

- Я помню, как ловко вы щелкали каблуками.

- Вот уж чего мне теперь не приходится делать, хотя, что ж, перед хорошенькими барышнями я все еще готов рассыпать дробь.

бала

сказ

- А перед замужними женщинами?

- Тем более.

- Как славно. Беру ваши слова на заметку, - произнесла Аделина. - В городе в честь моего мужа затевается грандиозный бал с ужином, танцами, речною прогулкой. Мужчины, как водится, сядут за ломберные столы, и дамы останутся без кавалеров. Не согласитесь ли вы на роль моего штатного партнера?

- К вашим услугам, сударыня. Если не покажусь вам медведем, можете занять меня сразу на все танцы.

- О нет, о нет, о нет, - пропела Аделина. - Я вовсе не собираюсь быть дамой одного кавалера. Мне бы хотелось, чтобы вы присутствовали в моем окружении, чтобы в любую минуту я могла б опереться на вашу руку. Обещаю не слишком обременять вас своими капризами и время от времени отпускать на свободу. Вы не откажетесь от такого предложения? - спросила Аделина, заговорщицки глядя на офицера черными блестящими радужками, в которых, однако ж, сияли и переменчивые огни.

- Не откажусь, - сказал Молодцов, вспомнив давний укор Латышева в том, что он не политический человек. К тому же в замужестве Аделина стала еще прекрасней. Она по-прежнему напоминала драгоценную раковину, бело - розовый перламутр которой был так же первозданен и свеж, а головка молодой женщины все так же сравнима с черной жемчужиной.

- Благодарю вас, - признательно отозвалась Аделина и вручила капитану пригласительный билет.

Деловые люди города в самом деле устраивали бал в честь приезжего воротилы Германа Ивановича Мильха, ведшего дела по Транссибу от Иркутска до Владивостока и по КВЖД от Читы до Харбина. Средства на него собирались в складчину. Сам именинник внес повышенную долю, еще больше подняв к себе уважение. Для проведения праздника был закуплен двухпалубный пароход с рестораном, буфетами, бильярдным и ломберными столами, духовым оркестром, цыганами, местными певицами и, в глубочайшей тайне от женской половины общества, размещенным в самом низу убежищем граций.

Гости начали съезжаться около полудня субботнего дня. Поднявшись наверх и занявши расписанную им каюту, они выходили на церемонию представления почетному гостю, а, по сути, хозяину праздника. Супруги Мильх тесною парой стояли на верхней палубе. Он плотный, осанистый, сорокалетний, с широкой грудью, лысиной на макушке, решительным и резким выражением лица, чертами коршуна, бесстрастно и зорко обозревающего окрестность. Однако, приметил Молодцов, иной раз сквозь сумеречную личину магната светлым лучиком пробивалась усмешка не над кем-то или над чем-то, а как подарок самому себе. Женщина, крепко обхватившая его руку, была достойным ему украшением. Аделина не только молодостью и красотой, но и личностной значимостью пыталась соответствовать высокому пьедесталу, на который ее вознесло замужество.

Представлялись только деловые люди города - купцы и промышленники различного ранга с супругами и взрослыми детьми, если такие при них находились. «Рад знакомству», пробубнивал Мильх ранее незнакомому или «рад встрече» - знакомому. Далее представлявшийся предприниматель обращался к госпоже Мильх: «Мое почтение, мадам» - и целовал ей руку. Дамы и молодые девушки делали книксен, молодые люди отдавали короткий поклон. Госпожа Мильх желала семейству «приятного отдыха». Далее пара или семейство переходили к приветствию местных тузов и знати по мере их ранга и значения, с равными себе членами общества просто здоровались. Завершившие обряд гости собирались кучками или растекались по палубе, в подражание первым лицам, держась парами. При этом они с показательной бережностью, значением и важностью прогуливали своих жен, словно те составляли для них наиглавнейшую драгоценность.

Для капитана Молодцова час служения прекрасной даме еще не настал. Предоставленный самому себе и представлявший только честь военного мундира и славу фронтового офицера, он успел обследовать пароход, разведать его тайны, причаститься рюмочкой и икоркой в буфете, вернуться на палубу и с насмешливостью наблюдать парад супружеской верности, гадая про себя, для кого же в таком случае приготовлено убежище граций.

Мильху, очевидно, поднадоела растянувшаяся процедура представления. Ища рассеяния, он наткнулся взглядом на одинокую фигуру военного, и на загадочно посветлевшем лице богатея обозначилась усмешка, как бы спросившая Молодцова: «Ну, что, дружок, скучаешь по привязи? Цепи, даже золотые, все равно - цепи». «Для меня это давно не открытие», - с тою же умудренностью ответило ему лицо военного. «Однако, для постороннего человека узы сии неприкосновенны есть», - предупредило вдруг замкнувшееся в холодном и решительном выражении лицо магната. Вне сомнения, ему хорошо были известны тайны и тайные пружины начавшегося праздника.

Аделину же нисколько не утомляла роль примадонны в разыгрываемом спектакле. Она упивалась величием ее и супруга. Излучаемое молодой женщиной радушие подкреплялось удовольствием власти и первенства. Вдруг глаза Аделины изумленно раскрылись. К представлению приближалась молодая и красивая пара. Он в легком белом костюме, белая шляпа зажата в опущенной руке и слегка похлопывает по бедру. Его спутница в белом платье, белой кружевной шляпке с выступающими из-под нее золотистыми локонами. Оба высокие, стройные, ладно подходящие друг к другу. Шли они легким, неспешным шагом, словно позволяя присутствующим любоваться ими. Все взоры стоящих и гуляющих по палубе людей обратились на них. Капитан Молодцов даже отклонился от борта, всматриваясь в нежные и узнаваемые черты дамы.

- Купец второй гильдии Павел Яковлевич Гуров с женой Полиной Сергеевной, - представился молодой человек.

- Рад знакомству, - приветливее обычного отозвался Мильх, а его жена в нарушение этикета сердечно обнялась с однокашницей.

Когда после представления чета Гуровых проходила мимо одиноко стоящего военного и Полина, всецело поглощенная своим мужем, не обратила внимания на Молодцова, тот тихонько позвал:

- Полина Сергеевна?

Белая Лилия обернулась и, узнавая, расцвела улыбкой.

- Пору...

- Капитан, - поправил он.

- Капитан Молодцов! Сергей Константинович? Счастлива снова увидеть вас. Здравствуйте! Пашенька, познакомься. Это бывший поручик Молодцов, мой кавалер на выпускном бале.

Гуров с удовольствием принял знакомство и по широте душевной пригласил офицера разделить с ними общество.

Со своей головной позиции Аделина наблюдала, как в окружении двух великолепных мужчин уходит с палубы ее гимназическая подруга.

Съезд и представление гостей закончились. Оркестр заиграл марш «Прощание славянки». Пассажирам подали шампанское. С бокалами в руке и под музыку уезжающая на гуляние публика рассталась с городом. Пароход вышел на стрежень, миновал слияние двух могучих дальневосточных рек и затерялся в пространстве среди воды, зеленых берегов и синих далей. Ни эту ли прогулку и ни этот ли пароход изобразил неизвестный художник на картине, которая хранится теперь в краеведческом музее? Правда, он показал плывущее по реке судно издали. На нем не видно нарядной публики. Сколько ни смотри, не увидишь двух беседующих у борта дам в белом и розовом платьях, ни тем более их мужей: одного в деловой компании потягивающего на палубе пиво, другого - засевшего с армейским офицером в буфете.

- Я счастлива замужем, - призналась Полина Адели. - Наш брак по любви. Я до безумия влюблена в Павла. Словами это не передать.

- Я тоже считаю свой брак удачным, - в свою очередь призналась Аделина.- Наши узы скреплены чувствами и делами. Герман - великий человек. Я с ним увижу мир.

Больше сказать друг другу им было нечего, и они разошлись в разные стороны.

После затянувшегося до темной ночи ужина деловые и солидные хозяева праздника пожелали сесть за карточные столы. Гостей, жаждущих подвижных развлечений, томительным вальсом поманил на верхнюю палубу духовой оркестр. Герман Мильх подвел к Молодцову свою жену и с наигранным добродушием проговорил:

- Вручаю вам для танцев мое сокровище. Не позволяйте без меня ей скучать.

При этом проницательные его глаза с холодной определенностью предупредили: «Но не забывайтесь, молодой человек».

На палубе по каким-то организационным делам Аделину отвлек распорядитель бала. Оказавшийся рядом с Молодцовым купец Гуров приятельски его окликнул:

- Вы не играете, капитан?

- Увы, я при обязанностях, - заметил тот.

- Будьте в таком случае добры, позаботьтесь о моей женушке, пока я играю. Развлеките ее, как сможете.

Полина подняла на Павла грустные, умоляющие глаза.

- Возьми меня с собой, Пашенька.

- Не дамское дело сидеть возле карточных столов. И никто тебе этого не позволит, - отговорился купец, поспешно сбегая.

Возвратившись, Аделина увидела рядом с Молодцовым Полину, все поняла и сухо предложила:

- Установим очередность или будем менять кавалера по жребию?

- Я вовсе не хочу танцевать! Ни с кем не хочу танцевать! - со слезами на глазах вымолвила Полина.

- А я хочу и даже очень! - энергично заявила жена магната и требовательно сжала руку Молодцова.

По счастью у Аделины тоже были обязанности. Столь же крепкой рукой она держала веселье на палубе. Оркестр у нее играл, не уставая, певички щипали сердца жестоким романсом, цыгане взбадривали гостей страстной песней и пляской. Танцы сменялись затеями, шутливыми розыгрышами, выигрышными лотереями, любовной почтой, хороводом иль длинной цепью по всему пароходу. Аделина была в центре, на стрежне, в окружении, заслоненная от Молодцова толпою ищущей ее внимания молодежи. А Полина все расстраивалась и грустила в ожидании мужа. Стрелы веселья достигали, но не задевали ее. Ей пришло по почте несколько посланий. Они были не от мужа, и она их читать не стала. Свое единственное послание она адресовала мужу, призывая его скорее вернуться. В азарте игры он сунул доставленное ему письмо в карман, не читая. Прыткие юноши подлетали к Полине с приглашением на танец. Она им отказывала и не танцевала даже с разделявшим ее одиночество Молодцовым.

- Господин капитан, вы женаты? - в печальном раздумье спросила Полина, глядя туда, где река, берег, небо и дали слились в непроницаемую черную массу.

- Женат, - с неудовольствием признался Молодцов.

- Как ваша бедная жена выносит разлуку?

- Она привыкла.

- А вы?

- Я тоже.

- Вы ее не любите?

- Так пылко и трепетно, как в первые дни, - уже нет. Теперь нас объединяют дети, доверие, ожидание, множество других взаимных зависимостей и притяжений, коих бессчетное число в браке. Все их невозможно ни назвать, ни распутать.

- Благодарю за такие слова, они утешают, - Полина накрыла его лежащую на поручне руку своею легкой рукою. - Я покидаю вас с чувством надежды. Передайте мужу, что я его жду в каюте.

Она ушла, не позволив себя проводить. Аделина тоже не проявляла к нанятому кавалеру внимания. Обрадовавшись свободе, Молодцов отправился обследовать пароход. За карточными столами сосредоточенно и скучно играли. В буфете купец второй гильдии Павел Гуров с безмятежным видом тянул из бокала вино. Увидев Молодцова, он зазвал его к себе и, угощая вином, восторженно доложил:

- Полюбуйтесь на меня, капитан. Продулся в прах, но чист душой, как младенец, светел ликом, как херувим, и весел, как бог.

- Неужели проигрыш вас нисколько не огорчает?

- Ни в коей мере! Я игрок по сути своей. Риск и азарт для меня все!

- А победа?

- Как же, все ради нее. Но она, проказница, сегодня выбрала не меня. Как у вас, капитан, со страстишками?

- У меня, господин купец, война. На кону жизнь, смерть или увечье. Сильнее игры не бывает.

- Простите, капитан, - осознал свою неделикатность Гуров. - Вы сейчас на фронт? У меня была мысль сделать вам взнос на дорожку. Но, как видите, поиздержался, спустил всю наличность. А продуктами вы не против? Новобранцев везете. Почти месяц пути. Есть - пить чего-нибудь надо.

- Не против, - ухватился за предложение Молодцов.

- Вот и ладненько, - довольно произнес Гуров. - В понедельник присылайте своих ребят ко мне в магазин, выделю, что смогу. Сами тоже приходите - расцелуемся на дорожку.

- Покорнейше благодарю.

- Не стоит благодарности. Я тоже служу отечеству, и помимо того, на войне богатею.

Они скрепили соглашение очередным бокалом вина.

- Как там моя жена, не сильно скучает? - поинтересовался купец.

- Она ждет вас в каюте, - сдержанно сообщил Молодцов.

- Пусть голубушка отдыхает, а мы еще порезвимся, - подмигнул Гуров.

- По-моему, она об ином уделе мечтала, - сухо напомнил Молодцов.

- Ей известно, что я не любитель танцев, а другого сносного развлечения здесь для нее нет, - заявил Гуров, словно ребенок, выпущенный погулять. - Вы, капитан, уже навещали убежище граций?

- Нет еще.

- И я нет. Не мешает взглянуть, кем нас там угощают?

К своему удивлению Молодцов застал в убежище Мильха. Тот встретил его надменным, не допускающим осуждения взглядом. Молодцов пожал плечами, показывая, что ему, в общем, нет до этого никакого дела. Напряжение с лица Мильха ушло. Капиталист словно бы согласился с присутствием чужака в их корпоративной компании.

- Господин капитан, - сказал он, - я не видел вас за карточным столом.

- Ваши ставки для меня чрезмерны, - отвечал Молодцов.

- Я в выигрыше и с удовольствием вам ссужу, - предложил толстосум.

- Обстоятельства не позволят мне вернуть долг, - объяснил Молодцов, имея ввиду свой скорый отъезд.

- Не беда. Отыграетесь - вернете, не отыграетесь - спишу на защиту Отечества, - обозначил условия Мильх.

- Соглашайтесь, капитан! - выкрикнул почувствовавший интригу Гуров.

Молодцов и сам понимал, что денежные тузы устраивают ему, офицеру и фронтовику, насмешливую взятку, вроде той, что «по усам текло, а в рот не попало». Он оскорбился, но вызов принял:

- Благодарю за честь, господин Мильх. Обязуюсь не принести ущерба вашему кошельку.

- Ну, что ж, я ставлю на вас, вы ставите на меня, надеюсь, что в выигрыше останемся оба, - примирительно сказал Мильх, поднимаясь с кресла. - Закончите здесь дела - мы вас ждем наверху.

Переставляя в мелком шажке негнущиеся ноги, он пошел к выходу. За ним потянулась окружавшая его компания деловых людей. В дверях Мильх обернулся и с затаенной усмешливостью прибавил:

- Грации тоже на счет защиты Отечества. Наслаждайтесь, капитан, в полной мере.

Когда дверь за Мильхом и его сопровождением закрылась, Гуров с возбужденным лицом приятельски хлопнул Молодцова по плечу:

- Это игра, капитан. Смею вас уверить, самая настоящая. То, что вы фаворит у меня, мало что значит. Вы фаворит у колоссального денежного мешка. Черпайте из него как можно больше, капитан. Черпайте столько, сколько сможете вытянуть. Я буду болеть за вас!

Обещание «болеть» молодой купец не сдержал. Он надолго потерялся из виду, застряв возле граций, явился к игрокам совершенно пьяным и почти что без памяти. Молодцов с кучей денег в руках как раз отсчитывал промышленнику долг. После расчета у капитана остались лишние ассигнации, и он сунул их в карман. Толстосумы глядели на выигравшего офицера с уважением, а Мильх одобрительно заметил:

- Фартовый вы человек, господин капитан. В купеческом деле вы бы не потерялись, а в ратном - желаю вам славы.

Гуров, сообразив, что Молодцов выиграл, потянул капитана в буфет. Молодцов же по-приятельски доставил подгулявшего купца к его каюте и сдал на руки жены, принявшей его с нежной заботой. «Фу, черт!», - вспомнил офицер о своих обязательствах перед Аделиной и поспешил на палубу, откуда все еще неслась музыка. Но бал уже свертывался, публика потихоньку расходилась. Навстречу Молодцову вынеслась спешащая куда-то Аделина и, пролетая мимо, насмешливо кинула:

- Вот и вы, капитан. А я уже привыкла обходиться без вас.

(Окончание следует)

Три бала

Рассказ

Галина БЕЛЯНИЧЕВА

(Окончание. Начало в № 7(12)

Ночь разряжалась серым рассветным сумраком. Певички исчезли. Цыгане с прощальной песней толпою пошли на выход. Измученные оркестранты складывали инструменты. Палуба быстро пустела. Веселье окончилось. Молодцов, как и все, ушел в свою каюту и проспал утренние часы.

Когда солнце облило мир оранжево-розовым светом, пароход снялся с якоря и пошел обратным курсом, в город. Часа через три он замер у городской пристани. Нехотя и неспешно его начали покидать первые пассажиры. Супруги Мильх, бодрые и свежие, словно проспали целую ночь, стояли наверху у борта. Кто желал, подходил к ним проститься. Иные прощально махали рукой уже с берега. Молодцову спешить в воскресный день было некуда, он тоже наблюдал сверху за оживлением на пристани.

По сходням прошла Полина, поддерживая рукой явно нездорового мужа. Сзади матрос нес их чемоданы. Когда молодая женщина усадила в пролетку Павла и сама села рядом, Молодцов прощально помахал ей рукой. Полина не оглянулась на пароход и прощания его не заметила.

- Глупая, бездарно влюбленная женщина, - произнесла подошедшая к Молодцову и ставшая рядом Аделина.- Впереди у нее великое разочарование.

- А, возможно, и нет, - возразил офицер, провожая глазами белую шляпку. - Во всяком случае, в ее чувстве, - добавил он, оборачиваясь к соседке.

Аделина недовольно покосила на него черным, блестящим глазом, что заставило его вспомнить о своей вине перед нею и покаяться.

- Ради бога, простите меня, Аделина, я не оправдал ваших ожиданий.

- Причем, не в первый раз, - укорила она.

- Да, да, помню, - пробормотал он, не вполне представляя, что она имеет в виду.

- Меня примиряет с вами лишь то, - жестким тоном продолжила она, - что вы, как и все нынешней ночью, посетили убежище граций, а не побывали в каюте порядочной женщины. Это так легко было перепутать. Но я вам не прощаю того, что вы даже не попытались за мною поволочиться. Вы ухаживали за Полиной, а она, дурочка, этого не заметила.

- Я за ней не ухаживал, я ее утешал. Она была в унынии, - смущенно выпалил Молодцов.

- А я в расстройстве. Но вы и этого не заметили, - проговорилась она, облегчая своей несдержанностью душу. И, видимо, признание ее смягчило, потому что далее она говорила с теплой и ласковой интонацией: - Несмотря ни на что, господин капитан, я хочу, чтобы вы вернулись с войны живым и чтобы наши жизни еще раз соприкоснулись.

Дома, приготовляясь ко сну, Герман Мильх обмысливал вслух впечатления прогулки, делясь с уже легшей женой замечаниями о том или ином деловом лице города. Аделина не без удовольствия слушала его меткие характеристики, изредка вставляя свое суждение.

- Муж твоей приятельницы, Гуров, по-моему, добрый малый. Мне он понравился. Но, к сожалению, негоцианта из него не выйдет. Слишком полагается на удачу. Когда-нибудь перехлестнет меру и сломит шею. Если ты не возражаешь, я попробую его натаскать. Возьму в дело, научу заглядывать наперед.

Аделина приподнялась на локте в порыве категоричного возражения, но удержалась от резкого высказыванья и с нарочитой небрежностью проронила:

- Герман, твоя доброта всем известна, но позволь людям самим для себя что-нибудь сделать.

- Ты, как всегда, права, моя умница и красавица, - чмокнул он ее в оголившееся плечико.

Аделина погладила мужа по лысоватой и великой голове, а поскольку в самом деле была умницей, ни в чем его не упрекнула и ни о ком больше не спросила.

БАЛ ТРЕТИЙ

В июле 1925 года харбинские газеты известили русскую колонию о возвращении в собственный дом семейства Мильх. Это сообщение внесло оживление в среду эмиграции. Непродолжительные приезды Мильхов в Харбин означали собой светские приемы, праздники, всевозможные увеселения. Герман Мильх, вовремя вывезший из России накопленные капиталы, был уже очень крупным магнатом, вел дела по всему побережью Юго-Восточной Азии и имел несколько домов в этой части света. Харбин он воспринимал как маленькую Россию, любил в нем отдыхать и общаться с русской колонией, иногда чем-либо для нее милосердствуя.

Узнав из газет о приезде Мильхов, Полина Гурова осмелилась навестить бывшую однокашницу, чтобы испросить у нее содержание на обучение в гимназии сына Мишеньки. После того, как Павел не справился с карточными долгами и свел счеты с жизнью, она с сыном осталась без средств. Жалованье продавщицы в крохотной парфюмерной лавке кое-как их кормило, но платы за обучение не обеспечивало.

Аделина приняла давнюю приятельницу в утренний час на освещенной солнцем веранде. В ярком свете, открывавшем глазу все изъяны наружности, было видно, что белая лилия от горестей жизни потускнела и привяла, а черная жемчужина, увеличившись в массе, сделалась еще драгоценнее. Перламутра в раковине наросло столько, что он чуть ли не переливался через край, но против прежнего переменился в оттенках: розовый цвет потемнел, а белый пожелтел, словно налившись жиром.

Аделина ничего не пообещала просительнице, сказав, что первоначально посоветуется с мужем. В утешение пригласила бывшую подругу на свой сегодняшний вечерний прием. Полина замялась, не решаясь дать согласие. Аделина без объяснения поняла, что смущает ее скромно одетую приятельницу и, раскрыв лежащую перед ней сумочку, туго набитую деньгами, выложила на стол несколько ассигнаций и сказала:

- Возьмите, Полина, что вам понадобится, на прокат и непременно приходите.

Полина не отважилась расстаться с полученными деньгами, избрав для них совсем иное предназначение. «Я только покажусь и исчезну. Кто меня там увидит?» - утешала она себя, понимая, что Аделина не одобрит ее экономии.

Дома она подправила одно из прежних вечерних платьев. У нее еще не было продано самое памятное ей украшение - свадебный подарок покойного мужа. Отыскались более или менее приличные туфли. Волосы у нее, слава богу, еще вились. Она легко уложила их по моде волнами. Оглядев себя в зеркало, Полина с грустью подытожила, что для обычной вечеринки она еще смотрится, а для светского раута выглядит бедновато. Но идти необходимо, чтобы не рассердить Аделину, поскольку кроме, как на нее, Полине не на кого больше надеяться.

На улице перед идущей Полиной из-за угла вывернул и пошел впереди нее человек в штатском костюме, но с военною выправкой. Гражданских лиц с военною выправкой в Харбине хватало, но этот напомнил Полине что-то далекое и приятное.

- Капитан Молодцов! - окликнула она.

Человек обернулся, узнал ее и, просияв радостью, повернул навстречу.

- К вашей милости, бывший полковник, госпожа Полина, - улыбаясь, поправил он.

- Счастлива узнать о ваших служебных продвижениях, - тоже не скрыла она радости встречи.

- Былых продвижениях, госпожа Полина.

- Пусть и былых. Я совершенно ничего о вас все прошедшие годы не слышала и не знала. Вы воевали, совершали подвиги, рисковали собой, к счастью, остались живы... - Полина намеренно отводила разговор от себя, сосредотачиваясь на его жизни, с неприятностью сознавая, что ей тоже придется рассказывать о себе.

Они вместе шли в том направлении, в котором до сих пор двигались поодиночке. Не отвыкшая еще от мужской опоры, Полина непроизвольно взяла Молодцова под руку, и тот с признательностью прижал ее руку к себе.

- Госпожа Полина, я вовсе не счастлив тем обстоятельством, что уцелел на двух войнах. По крайней мере, мои кости лежали б сейчас в России, а я б не скитался неприкаянным у ее границ. Что касается подвигов, их было много, гораздо больше, чем нужно в Гражданской войне. Мало было побед. После смерти командующего их вовсе не стало. Вы слышали, госпожа Полина, о ледовом переходе каппелевских войск через Байкал в январе двадцатого года? Скорее всего, не слышали. Это был настоящий подвиг, байкальский Сен-Готард. Под свирепым баргузинским ветром мы прошли по льду более шестидесяти верст. К сожалению, это был подвиг отступления. Он не увенчался победой и потому славы нам не принес. Более того, в этом походе мы потеряли горячо любимого нами командующего генерал-лейтенанта Владимира Оскаровича Каппеля, и уже в Верхнеудинске армия начала рассыпаться. Я состоял в Боткинской дивизии, одной из лучших в армии Каппеля. Из Верхнеудинска нас спешно двинули на Читу. Мы еще верили в себя и крепко держались звания каппелевских войск. Но судьба уже окончательно и бесповоротно от нас отвернулась. В Чите не получилось содружества с семеновскими войсками. Нас вместе с ними выбили из России.

Правда, через год мы попытались нелегально вернуться на Родину. Но под Волочаевкой снова потерпели поражение, и других надежд на возвращение не осталось. Казалось бы, ради чего так упорно и страстно стремиться в Россию? В памяти о ней лишь снега, морозы, ледяные укрепления, человеческие трупы и бесполезно пролитая кровь, но я все скитаюсь возле ее границ и нигде не вижу пристанища.

- А где ваша семья? - спросила Полина.

- Она во Франции. Жена легко прижилась на чужой земле. Дети в восторге от новой родины. Ни я, ни Россия им не нужны. А как вы устроились, госпожа Полина?

- Я тоже не победительница и плохая опора для сына. Это меня угнетает, потому что я одна вынуждена растить Мишеньку.

Молодцов молча выслушал ее признание и лишних вопросов не задал.

- Сдается, госпожа Полина, мы направляемся с вами по одному и тому же адресу, - через некоторое время сказал он.

- Вы тоже к Мильхам? - оживилась Полина. - Как хорошо, что нам по пути! Вы не представляете, с каким страхом я к ним иду, но идти вынуждена.

- У меня то же самое настроение, - произнес Молодцов.

- Может, мы объединимся на время? Вдвоем все-таки убедительней, - стеснительно предложила Полина.

- Возражения не имею, - по-военному отчеканил бывший полковник.

Мильхи принимали с характерной для них торжественностью, встречая гостей дружною парой. За прожитые годы они мало чем изменились. У него прибавилось лысины, у нее - тела. А у обоих вместе - величия, успеха и денег.

Увидев гимназическую подругу под руку с Молодцовым, Аделина изумленно уставила на них все такие же вертучие, с матовым блеском глаза.

- Вы уже вместе! Выходит, зря я задумала нашу встречу? И все-таки, мне хотелось бы думать, что мы с вами триумвират, - с оттенком неудовольствия и намека произнесла в ответ на их приветствие Аделина. Ее муж с хитроватой, но вполне дружественной улыбкой кивнул Молодцову и галантно поцеловал руку Полины.

Высшее общество Харбина, замкнутое в тесных рамках небольшой колонии, знало Полину, как безгрошовую вдову. Выразительная внешность ее спутника, хоть и привлекала к себе любопытство дам, но никого не обманывала относительно действительного положения ее носителя. Сановитые гости с недоумением и вопросом поглядывали на хозяйку, пытаясь понять, насколько серьезно введена в их круг эта пара. Аделина и сама [illegible]ла себя за совершенную оплошность. В который раз она обманулась в своих расчетах и ожиданиях касательно Молодцова. Ей снова не удалось преодолеть перед ним Полины, несмотря на то, что она в бриллиантах, а та в стоптанных туфлях. Что заставляет Молодцова из них двоих неизменно выбирать Полину? И почему ее, Аделину, не имеющую недостатка в поклонении, это так задевает? Всему ли виной не выигранное на выпускном бале пари, поражение в котором она не захотела признать? Не это ли поражение она при всяком случае пытается переиграть и никогда не получает удовлетворения? И дело тут не в Полине. Что эта нищая скромница перед нею, владетельной и влиятельною магнатшей? Дело в нем, в Молодцове. Он что, издевается над ней, всякий раз перед ее носом выбирая другую. Без погон и мундира в нем заметно поубавилось шарма, но он все еще хорош и на сегодняшнем приеме мог быть достойным ее украшением и партнером. А им украшает себя Полина, удачно взбивая свои скудные шансы. Допущенная на бал золушкой, она явно чувствует себя принцессой. С ней танцуют бывшие офицеры, потерявшие в войне источники благосостояния и удачливо прилепившиеся к богатым семействам. Ее приглашают солидные люди, соблазненные пикантностью приглашения бессребреницы на чопорный прием. Как хозяйка Аделина не допустит новой победы бывшей однокашницы и не унизит себя до соперничества за внимание какого-то офицера. Оно ей положено как патронессе, у которой они ищут милости. И если они настолько невежливы, то и она не станет церемониться с ними.

Аделина приказала слуге-китайцу позвать в ее кабинет двух названных ею гостей. Они вошли вместе: Полина с волнением в глазах, Молодцов сумрачный и безразличный от неверия во что-нибудь лучшее. Аделина встретила их с непроницаемо-каменным лицом.

- Господа, - объявила она, - я отказываю вам в ходатайстве ради вас перед мужем. Я не встретила ответного внимания ко мне, на которое надеялась по праву давнего знакомства. От вас, господин Молодцов, я никогда не видела расположения ко мне и должного уважения. Перед вами, Полина, я признаю свое поражение в нашем прошлом споре и возвращаю вам титул первой красавицы гимназии и выпускного бала. Если вам понадобится письменное подтверждение этому, я готова его предоставить. Завидую упорству вашего кавалера из нас двоих неизменно предпочитающего вас. Ни ему, ни вам я оскорбления своего не прощаю.

Полину вдруг начало ломать и коробить, как подожженную изнутри бумагу. Аделину это не тронуло. Она не считала экзекуцию законченной.

- Вам, господин Молодцов, мне вернуть нечего, кроме несбывшихся ожиданий.

- Простите, госпожа Мильх, нам спешно надо уйти, - прервал ее обвинения бывший офицер, крепко взяв за руку теряющую чувство Полину.

- Я вас не держу. Более того, я сама не желаю впредь никогда вас обоих видеть, - отчужденно произнесла Аделина и, вызвав колокольчиком слугу, приказала проводить господ к выходу.

На улице Молодцов сильным движением встряхнул за плечи безучастную, словно выгоревшую изнутри, женщину.

- Придите в себя, Полина. Неприятность еще не горе, с ней можно попросту не считаться.

- Мне не на что больше надеяться, - сухими губами прошептала опаленная лилия.

- На меня понадейтесь, Полина. Не зря нас снова прибило друг к другу. Аделина поняла это первой.

- Неужели за все прошедшие годы у нее не случилось большего несчастья, чем проигранное когда-то пари? А ведь жизнь прошла. ...И какая страшная жизнь! - в отрешенной задумчивости проговорила Полина, держа перед глазами пережитые страдания и потери.

- В отличие от нас с вами она победительница. Ее самолюбие не терпит пустячного поражения. Что вы у нее просили, Полина?

- Содержание на обучение сына. А вы?

- Место в державной империи ее мужа.

- Что же нам теперь делать?

- Ни в коем случае не сдаваться. Я не спас России, но частную жизнь одной милой мне женщины защитить сумею. Вот вам моя рука, и пойдемте, Полина, вместе.

Белокурая женщина осторожно взяла протянутую ей руку и вдруг облегченно расплакалась.

Не посвящая жену, Герман Мильх взял Молодцова на службу, назначив его управляющим в открываемое им в Австралии торговое представительство. Вскоре новый служащий вместе с женой и приемным сыном отбыли на южный континент, где положили начало русской общине. К границам России Молодцов никогда больше не приближался, до конца жизни храня в себе родину как дорогую, ничем не замененную утрату. Его австралийские дети в зрелом возрасте туристами посетили Россию. Говорили они с акцентом, смотрели на историческую родину критическим взглядом и не поняли, из-за чего их отец так мучился и страдал и ради чего столько бесполезных подвигов совершил.

Побывали в России подросшие внуки Молодцовых. Жили они здесь дольше родителей, так как проходили многомесячную стажировку по языку. Кое в чем историческая родина открылась им дальше, чем перед отцами, кое что в ней они с пониманием и любовью перечувствовали. Но так же, как и их отцы, не смогли объяснить себе смысла и необходимости дедовских страстей и подвигов. Или русский человек за границей уже не русский человек?